

DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.08

УДК 94(571.54)

ББК 63.3(2)613

В. П. ШАХЕРОВ

КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА ПРИГРАНИЧНЫЕ ГОРОДА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В XVIII–XIX ВВ.

Статья посвящена торговому и культурному взаимодействию городского населения Байкальской Сибири в условиях российско-китайском трансграничья. В процессе развития торговых отношений и формирования Чайного пути, эти территории испытывали заметное воздействие китайской бытовой культуры, что наряду с общим влиянием восточных традиций и образов способствовало формированию сибирской идентичности с ярко выраженными элементами евроазиатской ментальности и культуры. Современники уже в первой половине XVIII века отмечали насыщенность китайских вещей и традиций в бытовой культуре горожан приграничных поселений. Наиболее отчетливо это влияние наблюдалось в Иркутске, Верхнеудинске и Кяхте. В статье приводятся примеры широкого использования китайских предметов быта и интерьера, тканей, продуктов и произведений искусства в повседневной жизни горожан.

Ключевые слова: Сибирь, Китай, Иркутск, Кяхта, торговля, приграничные города, купечество, бытовая культура, повседневность, китайский вкус.

V. P. SHAKHEROV

CULTURAL INFLUENCE OF CHINA ON THE BORDER TOWNS OF BAIKAL SIBERIA IN THE XVIII–XIX CENTURIES

The article is devoted to the trade and cultural interaction of the urban population of Baikal Siberia in the conditions of the Russian-Chinese cross-border region. During the development of trade relations and the formation of the Tea Route, these territories experienced a noticeable impact of Chinese everyday culture, which, along with the general influence of Eastern traditions and images, contributed to the formation of a Siberian identity with pronounced elements of the Euro-Asian mentality and culture. Contemporaries already in the first half of the XVIII century. noted the richness of Chinese things and traditions in the everyday culture of citizens of border settlements. This influence was most clearly observed in Irkutsk, Verkhneudinsk and Kyakhta. The article provides examples of the widespread use of Chinese household and interior items, fabrics, products and works of art in the daily life of citizens.

Keywords: Siberia, China, Irkutsk, Kyakhta, trade, border cities, merchants, household culture, everyday life, Chinese taste.

Близость городских поселений Байкальской Сибири к пограничным рубежам Китая и Монголии оказала заметное влияние на особенности и структуру их торговых связей, носивших ярко выраженный фронтальный характер. Обслуживание оптового торгового с Китаем, развитие мелочной и контрабандной пограничной торговли сказывались на социальном составе горожан, торговой инфраструктуре, застройке и внешнем виде городов. Экономические контакты сопровождались контактами культурными, изучением языка, обменом традициями и обычаями, заимствованиями в быте и повседневной жизни. Все эти знания укоренялись прежде всего в купеческом быту, постепенно распространяясь на другие городские сословия.

Интерес к культуре сопредельных территорий был связан с участием в караванной торговле с Пекином сотен торговых людей и казаков. Значительная часть торговцев скупала китайские и монгольские товары в самой Монголии и в приграничной полосе. В одном из документов 1725 г. отмечалось, что русских купцов бывает в Урге «человек по двести и называются все купеческими людьми... В том числе и такие есть, которые лет по пяти и по шти там живут» [1, с. 46-47]. Документы отмечают Широкое распространение получила контрабандная торговля. В 1739 г., например, руководители казенного каравана обнаружили на пекинском рынке втрое больше мехов, привезенных с пограничной линии, чем доставили они. Значительное количество товаров из Китая поступало на Иркутскую ярмарку, учрежденную в 1768 г., и оттуда расходилось по всей Сибири. В результате население городов, находившихся у истоков российской части Чайного пути, очень рано получило возможность познакомиться с разнообразной продукцией китайского быта и искусства, включить ее в свою повседневную жизнь, что в итоге сказалось на формировании евроазиатской ментальности и культуры.

Основными статьями российского импорта, шедшего транзитом через Сибирь, были разнообразные хлопчатобумажные и шелковые ткани, а также чай, но в приграничные районы Байкальской Сибири ввозились незначительными с точки зрения коммерческих интересов партиями десятки видов китайских товаров как первой необходимости, так и предметов роскоши для личного пользования и обустройства интерьеров жилых домов. Среди них были посуда из фарфора и фаянса, фонари, бумага, чернила, курительные трубки и табак, лекарственные препараты, мебель, цветы, экзотические растения и овощи, сахар-сырец, сладости и многое другое [2, с. 430]. Уже в начале XVIII в. в домах иркутян явно заметно был замечен «китайский вкус», выразившийся в обилии китайских бытовых вещей и утвари. И.Г. Георги писал, что в городских домах «комнаты украшены китайскими картинами, куклами, вазами, разными поделками, отличным фарфором, эмалью и

лакированными вещами и всякими приборами, стены оклеены обоями. В трактирах подают некоторые китайские фрукты и варенья, что говорит о близости Китая и хорошей торговле» [3, с. 26]. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы и овощи. У многих горожан мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. Большинство жителей городов и сельских поселений «носили рубашки из фанзы и дабы» [4, с. 406]. Интересно, что наряду с предметами быта и продуктами, другой немецкий исследователь Г.В. Стеллер нашел в иркутянах еще и «китайскую заносчивость» [5, с. 38].

В Иркутске не редкостью было услышать речь на китайском, монгольском и даже японском языках, а среди горожан было немало людей, побывавших по торговым делам в Монголии и Китае. Разными путями в город попадали представители далеких азиатских стран. В 1720-х гг., например, в Иркутске некоторое время проживал индийский купец из Дели с диковинным именем Парессотемагир. Он очень заинтересовал немецкого исследователя Д.Г. Мессершмидта, который брал у него уроки индийского языка и записал с его слов различные сведения о выращивании и сборе различных сортов чая [6, с. 36]. В городе ученый встретил еще двух нищих индийцев, а также тангутского (тибетского) слугу индийского купца, который побывал в Индии и Китае, мог говорить на 7 языках, но писать не умел [6, с. 110].

Интерес к восточной экзотике проявлялся даже в сфере досуга. На балах-маскарадах, которые проводились в городе с конца XVIII в. многие участники наряжались в одежды народов Сибири и сопредельных стран «китайцев, японцев, курильцев, алеутов и других дикарей». Причем, как отмечал генерал-губернатор С.Б. Броневский, они были не только оригинальные, но «и совершенно точными» [7, с. 174]. В бытовой среде получили распространение китайские обычаи, связанные с застольным этикетом и культурой чайной церемонии. Пожалуй, наиболее укоренилось в повседневной жизни сибиряков чаепитие, ставшее не менее массовым и почитаемым, чем в Китае. По свидетельству Н.М. Ядринцева, «в городах на постоянных дворах, у мещан, а тем более у купцов, чаепитие распространено до невместности, до пресыщения, если бы можно пресытиться, но это напиток, который пьют без меры и с удовольствием. Угощение чаем в патриархальных семьях доведено до утонченности, это целый этикет, хозяйка после первой чашки упрасивает гостя или гостью, гость должен отказываться. Он накрывает чашку и кладет кусок сахара наверх. Только в высшем кругу вошло уже в обыкновение класть ложечку в стакан» [8].

Причудливые образы Востока проникали даже в застройку городов. В декоре некоторых церквей и жилых домов зажиточных горожан явно просупал восточный колорит, привнесенный близостью Китая

и монгольских степей. В самом Иркутске практически не знали образцов классического стиля, поэтому даже беседки и другие строения для отдыха строились по восточным канонам, перенесенным «с чертежей и китайских картин» [9, с. 178]. У многих чиновников и купцов имелись собрания китайских картинок и предметов прикладного искусства. Участники академических экспедиций, встречаясь с купцами, торговавшими в Китае, покупали у них редкости, ткани и бытовые предметы. Так, Д.Г. Мессершмидт у одного иркутского купца пытался выторговать несколько китайских изображений, но их цена оказалась ученому не по карману. Тогда он купил у него за 3 руб. одного китайского идола [6, с. 103]. Одно из первых собраний китайских произведений сложилось у иркутского вице-губернатора шведа Лоренца Ланга, не раз бывавшего с дипломатическими поручениями в Пекине. В его составе было две большие китайские картины на бумаге, 11 шпалер кожаных, разрисованных золотом, один органчик черный лаковый, 11 картин на бумаге [10, л. 8-9]. После его смерти коллекция была выкуплена у наследников и передана в собрание Кунсткамеры.

Значительное влияние образов Китая и Монголии ощущалось в приграничных забайкальских городах. Один из современников отмечал, что в домах Верхнеудинска «комнаты по большей части украшены китайскими ландшафтами, историческими картинами, фарфором и другими китайскими художественными произведениями» [11, с. 102]. В еще большем масштабе влияние Китая было заметно в городском быту Троицкосавска и Кяхтинской слободы. Тон задавала слобода, ставшая со временем поселком миллионеров. Здесь могли проживать только купцы первой гильдии и их домочадцы. Все остальные жили в нескольких верстах в Троицкосавске. Сама Кяхта, ставшая главным центром русско-китайской торговли, часто посещалась торговцами, чиновниками и учеными из России. Кяхтинские купцы имели свой клуб, сады, музыкантов, хор, словом жили «на широкую ногу». В зажиточной Кяхте обычным явлением были частые встречи с китайскими торговцами, совместные обеды и переговоры, постоянно звучал упрощенный язык торгового и бытового общения пиджин с элементами русского и китайско-монгольского языков. Троицкосавск и Кяхта отличались добротными постройками и насыщенной общественной жизнью, став со временем своеобразной витриной государства на Востоке. В дополнение к общим сборам на нужды города направлялись отчисления от таможенных сборов, в результате чего город имел возможность выделять значительные суммы на благоустройство и на представительские расходы (общественные угощения во время праздников, прием китайских делегаций, встречи и проводы духовных миссий в Пекин и т.п.). В конце 1850-х гг. акцидентные суммы составляли до 51 тыс. руб. в год. Из них оплачивалось содержание кях-

тинского училища и других общественных зданий, пожарной команды, ремонт дорог и т. п. В статьях расходов были и совсем экзотические – на поддержание дружественных связей с Китаем (300 руб.), на содержание оркестра (1,5 тыс. руб.), на угощение приезжих чиновников и китайских купцов (6 тыс. руб.), на коммерческих агентов в Пекине и других городах Китая (3 тыс. руб.) [12, с. 82].

Жизнь кяхтинцев была неразрывно связана с китайским торговым поселением Маймачен, расположенным с другой стороны границы. Побывавшая в Кяхте в 1804 г. Е.А. Авдеева-Полевая, отмечала, что китайцы с раннего утра посещают своих русских знакомых и партнеров, курят табак и ведут беседы. Мелочные торговцы разносили по домам «шелк сученый и шеневый для шитья гладью, картинки, куклы, каменные колечки, будумиловые духи в подушечках, веера, деревянные и фарфоровые чашки, благовонные четки и множество других мелочей, изящных в своем роде» [13, с. 51]. О расширении межэтнического общения в Кяхте в свое время писал генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский: «Китайцы к нашим, и они к ним ходят днем свободно и водят дружбу» [7, с. 256]. При этом многие кяхтинцы посещали китайские музыкальные концерты и даже театр, что позволяло лучше узнать культуру, нравы, обычаи и верованиях китайцев. Приемы у главного начальника Маймачена обычно бывали многлюдными и сопровождались громкой музыкой. Среди музыкальных инструментов преобладали деревянные флейты и дудки, медные рожки, большие и малые бубны, тарелки, различные побрякушки, которые все вместе издавали пронзительные звуки и шум [там же, с. 256-257]. Не менее необычным для европейского взгляда был китайский театр, где все роли исполняли мужчины в древнекитайских одеждах. Многие из актеров играли в раскрашенных масках. Побывавший на одном из представлений С.Б. Броневский нашел его излишне суетливым и громким, но при этом динамичным. Актеры много дурачатся, кривляются, шумят, постоянно дерутся и мирятся, разыгрывая «пародию на жизнь людскую всей Поднебесной» [там же, с. 258].

Торговые связи требовали не только знания языка, но и восприятия правил и ассортимента китайской торговли, перенимания некоторых видимых приемов и обычаев бытовой культуры. Е.А. Авдеева-Полевая с удовлетворением отмечала, что купцы «учат ныне детей своих китайскому языку; это должно облегчить торговые сношения» [13, с. 50]. Позднее по инициативе известного китаеведа Н.Я. Бичурина было открыто четырехклассное училище китайского языка. Как, правило, все договора заканчивались китайскими обедами, представлявшими собой целую церемонию с переменной множества блюд в миниатюрных фарфоровых чашечках. На обед подавалось до 40-75, а иногда и 120 блюд. Это зависело от целого ряда обстоятельств и прежде всего от успеш-

ности деловых контактов. С. Максимов вспоминал, что на самом плохом обеде подавалось 42 блюда, а маймаченский дзэргучей на официальном празднике «Белого месяца», начиная обед «вверх ногами» (со сладкого), кормил троицкосавских чиновников 4 часа [14, с. 584]. Многие кяхтинские купцы старались удивить гостей китайскими обедами и чайной церемонией. Побывавший на таком приеме, Дж. Кеннан вспоминал: «Обед занял около трех часов, и в продолжение этого времени каждый гость отведал от тридцати до сорока блюд, поглотил от одного до трех блюдецек китайского укуса, выпил от пятнадцати до двадцати пяти чашечек горячей рисовой водки с розовой водой и доел последние китайские сласти, запив их несколькими бокалами шампанского за здоровье нашего хозяина» [15, с. 78].

С конца XVIII в. жители городов Байкальской Сибири, прежде всего Иркутска, получили возможность знакомиться с элементами жизни и быта коренного населения Аляски и островов Тихого океана. Активное освоение сибирским купечеством Русской Америки приводило к тому, что в домах, руководителей и участников морских вояжей начали появляться экзотические предметы коренного населения, образцы минералов и растений заокеанских территорий. Некоторую информацию об этих местах могли представлять те немногочисленные представители далекого мира, которые попадали в Иркутск. Известно, что Г.И. Шелиховым привезено 12 алеутских мальчиков для «обучения их российской словесности и наукам». Они жили в доме Шелихова и даже приглашались на различные праздничные мероприятия в городе. Так, на балу, который давал иркутский губернатор М.М. Арсеньев, «оне делали собранию удовольствие по своим обычаям производить при вокальной музыке свой танец» [16, с. 117].

Одним из первых обратил внимание на природные и культурные артефакты тихоокеанских территорий ученый-натуралист и коллекционер Э.Г. Лаксман. Вероятно, от своего компаньона по Тальцинскому стеклянному заводу А.А. Баранова, возглавившего с 1790 г. русские колонии на Аляске, он мог получать образцы растений и животных, горной породы и предметы быта коренного населения. Отправляя своему коллеге И.-А. Эйлеру в декабре 1785 г. пять видов полотна, изготовленных жителями островов Тихого океана, он отмечал, что «эти дикари обнаруживают весьма хороший вкус в своих рисунках. И краски довольно приятны, не говоря уже об искусстве изготовления...» [17, с. 234-235]. В другом письме от 18 февраля 1786 г. сообщал о посылке предметов, полученных «из самых отдаленных Алеутских островов». Большая коллекция раковин и зоофитов, насекомых и рыб, а также гербарий был переданы им в Академии Наук после экспедиции его сына в Японию. Среди отправленных вещей было много произведений и домашних вещей жителей Курильских, Алеутских островов и Японии [там же, с. 170].

С присоединением Амура и введением порто-франко в середине XIX в. наблюдается рост китайской торговой диаспоры в городах Байкальской Сибири, что еще больше содействовало распространению китайских товаров и моде на все восточное. Как справедливо отмечают исследователи, материальным подтверждением массового распространения китайских бытовых предметов и изделий являются коллекции иркутских и забайкальских музеев [18, с. 32-33]. В Иркутске уже в 1880-х гг. сформировалась китайская торговая улица со своим национальным колоритом, действовало 6 крупных магазинов иркутских купцов, торговавших чаем и другими китайскими товарами и около 16 мелких лавок, принадлежавших китайским торговцам [там же, с. 117-118]. Несколько десятков бродячих торговцев ходили по улицам и дворам города, предлагая сладости, игрушки и другую мелочь. Всех китайских торговцев и ремесленников к концу века в Иркутске насчитывалось около 200 человек. Несколько сот китайских предпринимателей проживало в городах и селах Забайкалья, играя заметную роль в развитии розничной торговли.

В целом надо признать, что уровень и глубина восприятия азиатской культуры была невелика. В основном она воспринималась на самом простом бытовом уровне. Впрочем, иногда степень воздействия восточной цивилизации на конкретного человека была более существенной. Среди сибиряков порой появлялись подлинные знатоки китайского и монгольского языка, истории и культуры сопредельных территорий. Можно отметить выдающегося ученого-китаеведа Н.Я. Бичурина, в монашестве Иакинфа, ставшего инициатором открытия в 1831 г. в Кяхте училища китайского языка, первого специализированного учебного заведения подобного рода в России. Почти все выпускники училища «состояли при делах у торгующего в Кяхте купечества». Большой вклад в изучение Монголии внес кяхтинский предприниматель А.В. Игумнов, устроивший в 1813 г. частную школу, в которой, кроме других предметов, обучали монгольскому языку. Менее известен иркутский купец Ф.И. Щегорин, неоднократно бывавший в Китае и ставший одним из признанных знатоков китайского торгового дела и большим поклонником конфуцианской политической модели [19, с. 76]. Из Китая Щегорин вывез большое количество китайских рукописей и книг. В 1802 г. он передал в дар иркутскому народному училищу более тысячи китайских и маньчжурских книг, за что удостоился благодарности от местного приказа общественного призрения. После возвращения на родину в 1798 г. он оставляет коммерцию и посвящает себя исследовательской и публицистической деятельности. В эти годы он был, пожалуй, лучшим в России знатоком русско-китайского торгового дела, изучив его практически и теоретически по русским и китайским источникам. Без ложной скромности он сам это подчеркивал: «... Быв дважды в Пекине, скажу, что едва ли кто лучше меня сию коммерцию знает во

всей Российской империи, да и вся Европа точных сведений о том не имеет» [19, с. 75-76].

Свое предназначение он видел в том, чтобы использовать накопленные знания для усовершенствования всей системы российской коммерции. Уже в первые годы после возвращения он представляет в правительство целый ряд записок, в которых детально анализирует состояние и перспективы российской и китайской коммерции, выделяет лучшие стороны, выдвигает цельную программу преобразования кяхтинского торгова.

Таким образом, влияние китайской культуры в приграничных городах Байкальской Сибири привело к формированию самобытного и разнообразного городского быта, к развитию гражданского и культурного кругозора жителей. Исторический опыт взаимодействия России и Китая в условиях трансграничной торговли и Чайного пути стал основой дальнейшего экономического и социально-культурного партнерства двух крупнейших держав мира.

Список использованной литературы и источников

1. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1725–1727. – Москва : Наука, 1990. – 669 с.
2. Фауст Кл. Великий торговый путь от Петербурга до Пекина. История российско-китайских отношений в XVIII – XIX веках / Кл. Фауст. – Москва : ЗАО Центрополиграф, 2019. – 447 с.
3. Georgi J. G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772 – [1774] / J. G. Georgi // Электронный архив. – URL: <https://archive.org/details/bemerkungeneine01conggoog>
4. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. – Новосибирск : Изд-во «Вен-Мер», 1995. – 676 с.
5. Стеллер Г. В. Иркутские нравы и образ жизни / Г. В. Стеллер / пер. с нем. и публ. А. Х. Элерт // Наука из первых рук. – 2007. – № 6. – С. 36-41.
6. Мессершмидт Д. Г. «В Иркутском на реке Ангаре» (дневник: декабрь 1723 – февраль 1724) / Д. Г. Мессершмидт / сост. Ю. И. Чивтаев, Л. Д. Бондарь. – Иркутск : На Чехова, 2021. – 216 с.
7. Братющенко Ю. В. Генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский и его «Записки» / Ю. В. Братющенко. – Иркутск : ООО НПФ «Земля Иркутская», 2008. – 424 с.
8. Ядринцев Н. М. Сибирское хлебопашество / Н. М. Ядринцев // Восточное обозрение. – 1893. – 9 мая.
9. Резун Д. Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. / Д. Я. Резун // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 175-185.
10. Российский архив древних актов. – Ф. 214. – Оп. 5. – Д. 2551.
11. Миллер И. Е. Путешествие из Иркутска в Нерчинск в апреле месяце 1811 г. / И. Е. Миллер // Дух журналов. – 1816. – Ч. 13. – Кн. 29. – С. 97-102.
12. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на матери-

алах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во гос. ун-та, 2011. – 256 с.

13. Записки иркутских жителей / Сост. М. Д. Сергеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 544 с.

14. Максимов С. В. На Восток. Поездка на Амур: дорожные заметки и воспоминания / С. В. Максимов. – Санкт-Петербург : изд. книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. – 594 с.

15. Кеннан Дж. Сибирь и каторга / Дж. Кеннан. – Т. 2. – Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 398 с.

16. Шамаков А. Неизвестные письма «Колумбу Российскому» / А. Шамаков // Сибирь. – 1980. – № 2. – С. 117.

17. Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка / В. Лагус. – Санкт-Петербург : издание Императорской Академии наук, 1890. – 488 с.

18. Кожухарь А. И. Восточносибирская купеческая чаоторговля с Китаем и Монголией как система межкультурной коммуникации во второй половине XIX века / А. И. Кожухарь. – Иркутск : «Аспринт», 2013. – 160 с.

19. Шахеров В. П. «Расстроено, разорено, уничтожено...». Судьба иркутского купца Федора Щегорина / В. П. Шахеров // Родина. – 2012. – № 8. – С. 75-77.

Информация об авторе

Шахеров Вадим Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Иркутского государственного университета. 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2. e-mail: wodalish@yandex.ru

Authors

Vadim P. Shaherov – D. Sc. in History, Professor, Department of Russia History, Irkutsk State University, 2, Chkalov st., e-mail: wodalish@yandex.ru